Потык

Поежжал-то Потык Михайлушко да сын Ивановиц Да во Орду, в землю да он неверную. Да садилса Михайлушко дак на добра коня — Да не видели поезки да богатырьское, Только видели: в цистом поли курева стоит, Курева-та стоит, да дым столбом валит. Не путём-то он ехал да не дорогою — Да церез те же он стены да городовыя, Да церез те же он ведь башонки на(й)угольния. Да приехал в Орду, землю неверную, Да он бил-топтал Орду, землю неверную, Он красно-то золото катил телегами, Он красных-то девушок табунами. Он выбрал сибе в замужесьво Марью-королевисьню. Он привёз-то ко князю да ко Владимеру — Да весёлым они пирком, да они свадёбкой. Да и матушка кнегина да была сватьей же. Они клали-то заповедь великую: «Да которой умрёт — другому живком легци». Уж тут выслушала Опраксия-королевисьня. Поежжат-то Потык Михайлушко да сын Ивановиц Он на вёшны на тихи да он на заводи Он стрелеть-то гусей-лебедей да перелетных серых утоцёк. Да уехал тут Потык Михайлушко да сын Ивановиц Он на вёшны на тихи да он на заводи — Тут егова Марья-королевисьня приставилась. Настрелял он гусей-лебедей да перелетных серых утицэй, Да приежжал он со вёшной с тихой да он со заводи. Да стрецят ёго Опраксея-королевисьня: «Уж ты ой, Потык Михайлушко да сын Ивановиц! Да приставилась Марья твоя да королевисьня! Уж я цюла же у вас, да клали вы заповедь великую: "Да которой помрёт — другому живком легцы"». Ходил-то Михайлушко во кузницю, Он ковал-то ведь прутьё железно же:

Да и три-то он прута да ишше железных же, Да и три-то ишше прута да оловянных же, Да и три-то ишше прута да он ведь медных же. Да выкапывали Михайлушку тёмной подгрёб: Да и сорок-то сажон да в ширыну же ведь, Ише сорок-то сажон да в долину же ведь. Звали попа-та, оцця духовного; Зарывали тут Потыка Михайлушка сына Ивановица Со своей же со Марьей да королевисьней, Да песком-то, хрящом ёго засыпали, Завалили каменьём да ишше серым же, Да заклали-то плитьём ёго железным же. Да и тут-то Михайлушку славы поют: «Не бывать-то Михайлушку да на белом свету, Не видать-то Михайлушку да свету белого!..» Потухала зоря-та да как вецерьня же — Да соскакивали с гробници обруци железны же, Выставала тут Марья-королевисьня. Да на ту пору Михайлушко ухватцив был: Он светил-то свещи да воскуяровы, О[н] брал шемьци-ти да всё калёны же, Ей захватывал в шемьци-ти да всё калёны же, Он сек-то ей прутьём-то железным же, Он сек-то — обломал всё до рук прутьё! Уж стала зоря-та ведь как утрянна — Ишша пала тут Марья да во гробницу же, Тут наскакивали обруци железны же. Ишше стала потухать да зоря вецерьня же — Да соскакивали-й обруци железны же, Выставала тут Марья да из гробницы же. Да на ту пору Михайлушко ухватцив был: Да светил-то он свещи да воскуяровы, Да и брал-то шемьци-ти да он калёны же, Он захватывал Марью да королевисьню, Да и сек-то он прутьём да оловянным же — Он до рук-то все прутьё да обломал же ведь! Ише стала зоря-та уж как утрянна — Уж тут пала Марья да во гробницу тут, Да наскакивали обруци железны же.

Потухала зоря-та да как вецерьня же —

Выставала тут Марья да из гробницы-то,

Да соскакивали обруци железны же.

Да на ту пору Михайлушко ухватцив был:

Да светил он тут свешши да воскуяровы,

Да и брал-то шемьци-ти да он калёны же,

Да захватывал свою Марью да королевисьню

Да и сек-то ей ведь прутьём медным же —

Да обломал-то он да до рук же всё!

Да и тут-то да ёму Марья да змолиласе:

«Некогда больше не буду да так ведь делать же!»

Заревел-то тут Михайлушко да по-звериному,

Зашипел-то Михайлушко да по-змеиному,

Засвисте[л]-то Михайлушко по-соловьиному.

Да уцюли тут малы-ти ребята же,

Що ревёт-то тут Потык Михайлушка да сын Ивановиц.

Побежали они ко князю да ко Владимеру:

«Там ревёт-то в тёмном подгребы Потык Михайлушко да сын Ивановиц!»

Пошол же князь Владимер к попу, оццю духовному.

Выпускали Михайлушка из тёмна подгреба;

Ише прозвали: «Марья Безсмёртна же».

Тут задумал Михайлушко ехать на тихи на вёшны да он на заводи

Он стрелеть-то гусей-лебедей да перелетных серых утоцёк.

Он уехал на вёшны на тихи да он на заводи.

Тут приехал Вахрамей да Вахрамеевиць

Да взял силою у князя у Владимера —

Увёз силою Марью-ту Безсмёртну же.

Да приежжаёт-то Потык Михайлушко да сын Ивановиць

Он со вёшной со тихой да он со заводи —

Да стрецят-то ёго матушка кнегина Опраксея-королевисьня:

«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиць!

Приежжал-то Вахрамей да Вахрамеевиць

Да увёз у тя Марью да Безсмёртну же».

Да скорёхонько Михайлушко срежаицсэ,

Да круце того Михайлушко снарежаицсэ.

Говорит ему матушка кнегина Опраксея-королевисьня,

Да говорит-то ёму батюшко Владимер да стольне-киевской:

«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!

Ты не езди сзади за Вахрамеём да Вахрамеевицом:

Потеряшь ты свою да буйну голову». —

«И две смерти не будёт, и без одной не миновать!

Ишше малы-ти рибята миня дразнить будут:

"Ишше здорово жинилсэ, да тибе не с ким спать!"»

Да и брал-то Михайлушко добра коня,

Да и брал-то копьё да долгомерноё,

Да и брал ише сабёлку он вострую,

Ишше взял-то он палоцьку буёвую,

Да скорёхонько скакал он да на добра коня.

Да не видели поезки да молодецькоей —

Да только видели: в цистом поле курева стоит,

Курева-та стоит, да дым столбом валит.

Не путём он пуехал да не дорогою —

Да церез те же он стены да городовыя,

Да церез те же новы башонки на(й)угольния.

Ехал он по полю-то цистому,

Да наехал-то он да на сырой же дуб —

Да у сыра-та дуба да и лютая змея да и тут привязана.

Он хотел ссекци у змеи-то да буйны головы —

Да и тут-то змея-то да ёму змолиласе:

«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!

Не секи ты у меня да буйны головы —

Отвяжи ты меня да от сыра дуба:

Да велико добро да я и сделаю!»

Да отвязывал Михайлушко змею-то да от сыра дуба.

Да поехал он по полю-то цистому,

Да наехал Михайлушко на бел тонкой шатёр.

Да заревел-то Михайлушко да по-звериному,

Да зашипел-то Михайлушко да по-змеиному,

Да засвистел-то Михайлушко по-соловьиному.

Да услышила Марья да тут Бесмёртна же —

Да срежаласе в платьё да Вахрамеёво,

Выходила ёна да из бела шатра

Да садиласе да на добра коня,

Да брала она копьё да долгомерноё

Да съежжаласе с Потыком Михайлушком сыном Ивановицом.

Да кони у их да розбежалисе,

Да и копьеми ёни да столконулисе —

Да она вышибла Михайлушка да из седла-та вон.

Да соскакивала да со добра коня,

Тут брала Михайлушка да за русы кудри,

Привязала Михайлушка да ко сыру дубу,

Да взяла-то у Михайлушка добра коня,

Да садилась с Вахрамеём Вахрамеевицом на добрых коней.

Да поехали ёни по полю-ту цистому.

Да ползёт-то змея-та да как ведь лютая,

Перелизала опутинки шелковыя.

Да отскакивал Михайлушко да от сыра дуба,

Да вперёд-то ведь он да ище отправилсэ.

Ишше шол ведь он да по цисту полю —

Да стоит-то же тут да бел тонкой шатёр.

Заревел-то Михайлушко да по-звериному,

Зашипел-то Михайлушко да по-змеиному,

Засвистел-то Михайлушко [да] по-соловьиному.

Да услыхала тут Марья Бесмёртна же —

Выходила тут Марья да из бела шатра,

Овёрнула Михайлушка да серым камешком.

Ишше тут-то Михайлушку славы поют:

«Не бывать-то Михайлушку да на белом свету,

Не видать-то Михайлушку да свету белого!..»

Да отправились во царсьво да Вахрамеёво.

Да идёт-то тут Михайлушку крестовой брат —

Да на камешки подпись была подписана:

«Тут лёжит-то всё Потык Михайлушко да сын Ивановиц».

Выздымал-то он камешок выше лесу-то стоячево

Да пониже ён облацька ходяцёво,

Он бросал-то на матушку сыру землю —

Да и надвоё камешок роскололса же.

Говорыт-то тут Потык Михайлушко да сын Ивановиц:

«Ише долго я спал, да уж ведь скоро стал».

Говорыт-то ёму тут как да крестовой брат:

«Ты дородно бы спал да вечно проспал бы тут!..»

Говорит-то тут Михайлушку крестовой брат:

«Не ходи ты-ко, ты, Потык Михайлушка да сын Ивановиц,

Да во то же во царсьво да Вахрамеёво:

У тя ссекёт же Вахрамей да буйну голову!»

Не послушал крестового названа брателка,

Он пошел же во цярьсво да Вахрамеёво.

Да приходит во цярьсво да Вахрамеёво

Да заходит в полаты да белокамянны.

Да стрецят ёго Марья-та Бесмёртна же:

«Уж ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!

Да куды же ведь я да тя девать буду?

Да приедёт Вахрамей да Вахрамеевиц —

Да ссекёт у тебя да буйну голову!»

Да закинула под перинушку пуховую.

Да приехал Вахрамей да Вахрамеевиц.

Говорит то тут Марья-та Бесмёртна же:

«Уж ты ой еси, Вахрамей да Вахрамеевиць!

Кабы был эт<т>а Потык Михайлушко да сын Ивановиц,

Ише що над им да стал делать-то?»

Говорыт-то Вахрамей да Вахрамеевиц:

«Я отсек бы у ёго да буйну голову!»

Схватывала перинушку пуховою.

Тут увидял Вахрамей да Вахрамеевиц

Ише Потыка Михайлушка сына Ивановиця.

Он хватал-то ведь сабелку-ту вострую,

Он хотел секци у Михайлушка да буйну голову.

Говорит-то ёму Потык Михайлушко да сын Ивановиц:

«Уж ты ой еси, Вахрамей да Вахрамеевиц!

Это не цесть-то, хвала твоя молодецькая;

Ты роскуй меня на стенушку городовую —

Тода пойдёт-то твоя цесть-хвала молодецькая!»

Росковал он на стенушку городовую

Ише Потыка Михайлушка сына Ивановица.

Да поехали гулеть да с Марьей Бесмёртной же,

Да гулеть по Михайлушковой смерти-то.

Да уехали уни да в цисто полё-то.

Да была у Вахрамея да Вахрамеевиця,

Была доци-та Марфа да Вахрамеёвна.

Говорыт-то ей Потык Михайлушко да сын Ивановиц:

«Уж ты ой еси, Марфа да Вахрамеёвна!

Ты сойми меня со стены да городовоей —

Я возьму-то тебя да всё в замужесьво».

Да сымала со стены ёго городовое.

Уж брал тут Михайлушко д[о]бра коня,

Да и взял-то сабёлку-ту вострую,

Да поехал в сугон да во цисто полё.
Да наехал Михайлушко их во белом шатри —
Да ссек-то он у их да буйны головы,
Да отсек-то у ей нос ведь с губами:
«Человала ты тотарына поганого!»
Да отсек-то у ей да руку правую:
«Обнимала ты тотарына поганого!»
Да россек-то он их на мелки ре́чики,
Да россеял-розвеял да по цисту полю
На потарзаньё их да птицькам-пташицям,
На пограеньё их да черным воронам.
Да приехал Михайлушко в Вахрамеёво царство же,
Да он взял-то в замужесьво Марфу Вахрамеёвну.

(Зап. А. Д. Григорьевым 19 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Потруховой Анны Васильевны, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.